

О КУПЕЧЕСКИХ И РЕМЕСЛЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI—XV ВЕКА)

Проф. М. Тихомиров

Средневековый город на Руси трудно представить себе без существования купеческих и ремесленных организаций, так как развитие торговли и ремесла в эпоху феодальной раздробленности властно требовало от ремесленников и купцов объединения. Вопрос о существовании купеческих организаций разрешается положительно, поскольку сохранился устав купеческого объединения церкви Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде. Значительно сложнее выяснить вопрос о ремесленных объединениях. Прямых указаний на существование этих объединений мы в наших источниках не имеем. Поэтому прежде всего рассмотрим купеческие корпорации, после чего вернёмся к ремесленным.

Древнейшим купеческим объединением было «Иванское сто», возникшее в начале XII в. при церкви Ивана Предтечи на Опоках. О нём немало говорилось в нашей исторической литературе. Наиболее ценной по выводам и собранному материалу является статья А. И. Никитского¹. Тем не менее начальная история Иванского ста далеко ещё не изучена.

Иванское сто носило характер замкнутой купеческой корпорации. «А кто хочет в купечество вложиться в Иванское, даст купцем пошлым вкладу пятьдесят гривен серебра, а тысяцкому сукно ипское, ино купцам положить в святой Иван полтретьядцать гривен серебра; а не вложится кто в купечество, не даст пятьдесят гривен серебра, ино то не пошлый купец, а пошлым купцем ити им отчиною и вкладом». Это место устава вызывает вопрос: куда же шли 25 (полтретьядцать) гривен серебра, которые не оставались в доме св. Ивана? Повидимому, они составляли особый фонд купеческого объединения, шедший на содержание патрональной церкви и на прочие расходы. Высокая сумма вклада объясняется тем, что вкладчик делался наследственным — «пошлым купцом», т. е. получал привилегии не только для себя, но и для потомства².

В руках Иванского ста находился так называемый иванский вес, т. е. монопольное право вешать воск и собирать соответствующую пошлину с местных и приезжих купцов, торговавших этим товаром. Размер и значение торговли воском определялись тем, что в числе «гостей-вошников» названы купцы полоцкие, смоленские, новоторжские и низовские,

¹ «Журнал министерства народного просвещения» («ЖМНП») № 8 за 1870 г. (Св. вел. Иван на Опоках).

² В. И. Сергеевич замечает по этому поводу: «Пошлина есть то, что пошло из старины. Это заставляет думать, что «Ивановское купечество» есть только отдельный случай применения к потребностям церкви св. Иоанна порядков, давно уже сложившихся, а потому пошлых... Можно думать, что купцы в Новгороде в глубокой уже древности приставлялись к сбору торговых пошлин и делали за это некоторый вклад в княжескую казну. Они-то, надо думать, и назывались «пошлыми купцами». Князь Всеволод берёт из их ведомства часть торгового сбора в пользу церкви св. Иоанна, предоставляет внимание его специально ивановскому купечеству и требует, чтобы и это купечество тоже было «пошлом», т. е. делало некоторый вклад за право сбора. «Пошлomu» купечеству в грамоте противопоставляется «непошлом»; оно не участвует в сборе пошлин» (Сергеевич В. Русские юридические древности. Т. I, стр. 281. СПб. 1890). В этих словах намечено довольно точное объяснение «пошлого» купечества Иванского ста, которое, таким образом, получило привилегированный характер.

т. е. суздальские. Но компетенция Иванского ста с самого начала приняла более широкие размеры, чем собрание пошлин за взвешивание воска.

Из устава Всеволода о церковных судах можно заключить, что Иванское сто, совместно с новгородским епископом, имело в своём ведении «мерила торговаа скалвы воцаныи, пуд медовой, и гривенку рублёвую, и локоть еваньский»¹. Устав всюду говорит о том, что владыка и иванские старосты совместно заведывали торговыми мерилками. Это, судя по всему, являлось новшеством XII в., так как понадобилась ссылка на церковный устав Владимира: «Торговья вся весы, мерила и скалвы воцаныи, и пуд медовой, и гривенка рублёваа и всякая известъ иже на торгу промежи людьми, от бога тако исконе уставлено есть, епископу блюсти без пакости, ни умаливати, ни умноживати, а на всякий год взвешивати».

Во главе Иванского ста стояли старосты. В дошедших до нас списках устава церкви Ивана Предтечи на Опоках имеется неясная фраза: «Три старосты от житых людей и от чёрных тысяцкого, а от купцев два старосты», не дающая возможности точно судить о количестве старост. Обычно этот текст в исторической литературе разъясняется так, что во главе Иванского ста находились шесть старост: три старосты от житых людей, тысяцкий от чёрных людей и два старосты от купцов. Но В. О. Ключевский понимал этот текст по-иному. Он считал, что во главе Иванского ста стояли только трое старост, из которых тысяцкий представлял чёрных и житых людей, а двое старост являлись выборными от купцов². Возможно, такой порядок и не был первоначальным, поскольку в уставе Всеволода о мерилках торговых упомянут только один староста иванский — Васята, тогда как в том же уставе, несколько выше, назван без всякого определения староста Болеслав, далее же говорится о десяти сотских и старостах, без указания на тысяцкого. Во всяком случае, можно сделать один вывод: во главе Иванского ста стояли выборные старосты, имевшие крупное значение в новгородской политической жизни.

Иванское сто помещалось при церкви Ивана Предтечи на Опоках. В доме св. Ивана запрещалось держать какие-либо предметы, кроме свечей и фимиама; подцерковье было складочным местом, а взвешивание воска производилось в притворе. Богатство купеческого объединения вощников подчёркивается устройством в церкви Ивана Предтечи вседенной, т. е. повседневной, службы, что было редким явлением в средневековом русском городе и придавало храму Ивана на Опоках значение собора. Кроме того особо отмечался день рождения Ивана Предтечи (24 июня), праздновавшийся в течение трёх дней. Торжественная служба совершалась в церкви в первый день владыкой, во второй — юрьевским архимандритом, в третий — игуменом Антоньева монастыря. Надо предполагать, что торжество престольного праздника сопровождалось «братчиной», т. е. большими пирами, память о которых сохранилась в народных былинах.

Купцы-вощники выполняли и некоторые общественные функции. Так, они мостили за свой счёт часть улиц, прилегавших ко двору Ивана Предтечи («тысячкому до вощник, от вощник посаднику до Великого ряду»). В целом перед нами очень яркая картина типичного средневекового купеческого объединения, чрезвычайно напоминающего по типу немецкие и фландрские гильдии.

Нельзя не отметить, что устав купеческого объединения при церкви

¹ Сборник памятников по истории церковного права. Вып. I. Составил В. Н. Бенешевич, стр. 91—95. Пггр. 1919.

² Ключевский В. Боярская дума, стр. 540—541. СПб. 1919. 6-е изд.

Ивана Предтечи на Опоках в Новгороде является одним из древнейших уставов средневековых гильдий на севере Европы. В своей работе о времени возникновения купеческих гильдий в средние века Дорен приводит сведения о городах Северной Франции и Фландрии (С.-Омер, Валансьен, Париж, Руан) и Германии (Кёльн, Дортмунд, Гослар, Штендаль, Геттинген, Кессель)¹. Статуты купеческих гильдий в этих городах в основном возникли в XI—XII вв., причём большинство в последнем столетии. Наиболее раннее развитие гильдий встречаем во Фландрии. Так, в С.-Омере гильдейский статут возник между 1082—1097 гг., а в Валансьене — в 1067 году. Что касается некоторых из перечисленных выше немецких городов, то в них гильдейские статуты возникли значительно позже, например в Госларе только в 1200 году. Таким образом, первый русский гильдейский статут появился не позже статутов соседних немецких городов. Этот факт является довольно яркой иллюстрацией к мысли, что крупные русские города Киевской Руси не уступали своим немецким соседям в политическом и культурном развитии, а порой даже их превосходили.

Возникнув в начале XII столетия, Иванское сто было объединением купцов-вощников в течение нескольких столетий. Этим объясняется появление второй редакции устава, в которой упоминаются наместники великого князя, появившиеся в Новгороде после его присоединения к Московскому великому княжеству (после 1478 г.), так как ранее в Новгороде сидел один наместник. В новой редакции отсутствует указание на торговый суд при церкви Ивана Предтечи на Опоках. Это свидетельствует о том, что торговый суд под главенством тысяцкого в Новгороде был тогда ликвидирован.

Иванское сто было самым мощным объединением среди новгородских купцов, но уместно поставить вопрос: существовали ли какие-либо иные купеческие объединения в том же Новгороде? Летописи дают прямые указания на существование подобных же объединений.

В 1156 г. «заморские купцы» построили церковь Пятницы на торгу; вторично о создании этой же церкви заморскими купцами говорится в 1207 году². В сильно испорченном виде эта церковь после нескольких реставраций сохранилась в Новгороде до последнего времени. В заморских купцах естественно видеть объединение новгородских купцов, торговавших за морем; предполагать же в заморских купцах немцев или других иноземцев совершенно невозможно, так как церковь Пятницы стоит на торгу рядом с Николо-Дворищенским собором, поблизости от вечевой площади, — иными словами, в центре административной и политической жизни Великого Новгорода. Нет никаких указаний, что она была латинской ропатой.

Более прямое указание на объединение купцов, торговавших с определённым городом, находим в летописном известии 1165 г: «Поставиша церковь святыя Троица Щетициници» (Щетиницы)³. Уже Гедеонов видел в «щетиницах» купцов, торговавших со славянским Щетином (теперь Штеттин). Правда, составители указателей к изданиям новгородских летописей отождествляют щетиницев с жителями Щитной улицы, но надо тогда было бы предполагать не щетиницев, а щитников («щитничи») ⁴. К тому же на Щитной улице находилась церковь Андрея, а не Троицы ⁵. Нет никаких оснований отрицать возможность торговли Нов-

¹ Doren A. Untersuchungen zur Geschichte der Kaufmannsgilden des Mittelalters. Leipzig, 1893.

² Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 141, 189. СПб. 1879. Надо думать, что постройка 1156 г. была непрочной и рухнула в 1191 г. (Новгородская летопись, стр. 164); церковь Пятницы, судя по тексту летописи, была вначале деревянной, так как она упоминается после церквей, о которых говорится как о деревянных («срубиша»).

³ Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку, стр. 145.

⁴ Там же и Новгородские летописи, указатель, стр. 54 (Щитная улица). СПб. 1879.

⁵ Там же, стр. 404.

города со славянским Щетином, крупным городом на балтийском побережье.

Уже Н. И. Костомаров предполагал, что иванское объединение купцов не было исключительным фактом в новгородской жизни, так как «всеобщность этого способа торговли (Костомаров называет такие объединения артелями.—М. Т.) была слишком развита в те времена и истекла не из прихоти каково-нибудь князя, а из духа времени»¹.

Новгородские купцы, торговавшие за границей, естественно, нуждались в объединениях, и, действительно, существование объединений новгородских купцов, торговавших с другими русскими княжествами и чужеземными странами, доказывается известиями о церквях, принадлежавших новгородцам в некоторых русских и иностранных городах. Подобная церковь была не столько богомольем приезжавших купцов, нуждавшихся в таком особом богомолье лишь в католических, а не в русских землях, сколько складочным местом, своего рода гостиним двором. Поэтому-то должность «сторожа», скромная по современным понятиям, имела настолько крупное значение в Иванском сте, что упоминалась в его уставе. Всеволод предлагал иванским сторожам заботиться («призирати») о сторожах при церкви Ивана Предтечи на Опоках наравне с церковным причтом. Иванский сторож получал «русской порочицы пятно да десять конюхов соли».

Мы вправе говорить о новгородских гостиних дворах в других городах, аналогичных Готскому и Немецкому дворам в самом Новгороде. В этом отношении особенно ценно известие о новгородской церкви в Киеве, сохранившееся в двух редакциях. Рассказав об убийстве Игоря Ольговича во время киевского восстания 1147 г., Лаврентьевская летопись говорит, что киевский тысяцкий Лазарь велел «взяти тело Игоря и донести ѿ в церковь святого Михаила в Новгородскую божицу и ту положивша ѿ в гроб, ехаста на Гору; и лежа ночь ту»². В Ипатьевской летописи после слов о распоряжении тысяцкого положить тело убитого в церкви св. Михаила замечено: «На ту ночь бог прояви над ним знамение велико: зажгошась свече вси над ним в церкви той; наутрея же шедше новгородци поведаша митрополиту»³.

Из этих известий становится ясным, что церковь Михаила была Новгородской божицей, находившейся на Подоле, близости от торговли, на котором был убит Игорь. Новгородцы жили при церкви, иначе бы они не могли говорить о знаменьи, случившемся ночью. Значит, мы вправе говорить о существовании новгородского двора при церкви Михаила в Киеве. Подобные дворы существовали также в крупных иноземных центрах, с которыми торговали русские купцы. Для позднейшего времени с достоверностью можно говорить о русских дворах в Юрьеве (Дерпт) и Кольвани (Ревель). При своих дворах находились русские церкви, являвшиеся в то же время складами для товаров. Фридрих II предоставил в 1187 г. русским купцам право беспошлинной торговли в Любике. Это предполагает постоянную русскую колонию в Любике⁴. В городе Висби, на Готланде, русские купцы имели двор и при нём церковь.

Постоянная заинтересованность новгородских купцов в создании гостиних дворов в чужеземных городах рельефно отражена в сказании о варяжской божице в Новгороде. Сказание говорит, что немцы «от всех седмидесяти городов» (т. е. от Ганзейского союза) просили дать им место посреди города, где можно было бы поставить божицу. Получив отказ от новгородцев, немецкие послы подкупили посадника Добрыню, который «повеле немцам говорити старостам купецким и купцом: толь-

¹ Костомаров Н. Соч. Книга 3-я, стр. 352. СПб. 1904.

² Летопись по Лаврентьевскому списку, стр. 302. СПб. 1872.

³ Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 249. СПб. 1871.

⁴ Аристов Н. Промышленность древней Руси, стр. 19. СПб. 1866.

ко нашей божницы, храму святых апостол Петра и Павла не быти в Новеграде, ино вашим церквам у нас по нашим городом не быти же». Тогда старосты и «все гести новгородские» выхлопотали немцам право поставить «ропату»¹.

Это предание дошло до нас в обработке, едва ли более ранней, чем XVI в., но основа его древняя и зиждется она не только на устной легенде, но и на письменном источнике. В Новгороде были известны два посадника с именем Добрыни: первый, дядя Владимира Святославича, явно не подходит к нашему рассказу; другой Добрыня умер в 1117 году². Следовательно, сказание может иметь в виду только второго Добрыню и говорит об эпизоде начала XII века. Самое, пожалуй, характерное во всём рассказе — это боязнь новгородцев потерять свои церкви-дворы в чужеземных городах.

О существовании купеческих объединений в других русских городах, помимо Новгорода, говорить значительно труднее, хотя в крупных городах, подобных Киеву и Полоцку, их существование почти обязательно.

Некоторые намёки на существование купеческих объединений в Киеве находим в известиях о купцах-«гречниках». Летописные сообщения о гречниках не оставляют сомнения, что речь идёт о купцах, шедших из Греции с товарами на Русь³. Остаётся неясным, кого называли гречниками, русских или греческих купцов, хотя князь Мстислав называет гречников нашими («гречнику нашему») ⁴; самый же термин «гречник» составлен наподобие таких слов, как «мучник», «хлебник», «вощник», в значении торговца определённым товаром.

По подобному образцу создавались прозвища купцов, торговавших с определёнными землями, заграницей. В. Васильевский справедливо сравнивает термин «гречник» с «рузариями» в Регенсбурге, т. е. купцами, торговавшими с Русью⁵.

К сожалению, в употреблении слова «гречники» в летописи имеются разногласия. «В се же лето (1092 год) Давыд зая грьки в Олешью и зая у них именье», — читаем в Лаврентьевской летописи. В Ипатьевском, Радзивилловском и Троицком списках на месте греков читаем «гречников». Так как слово «гречники» встречается в летописях гораздо реже, чем термин «греки», то вероятнее предполагать, что греки заменили собой первоначальных гречников, тем более что «гречников» находим и в Воскресенской летописи, пользовавшейся более древним источником, чем Ипатьевская летопись⁶.

Русские купцы действительно торговали в Константинополе и даже имели там постоянную колонию. Так как история русской колонии в Константинополе фактически не освещена в нашей литературе, то остановимся несколько подробнее на этой теме, разъясняющей вопрос о характере торговли русских купцов заграницей.

По договорам Руси с греками, первоначальное местопребывание русских купцов было у церкви св. Мамы. По исследованиям Паргуара, в Константинополе было две церкви св. Мамы: одна в городе, другая вне городских стен, на европейском берегу Босфора, у современного Бешикташа. Здесь остановилась княгиня Ольга, когда прибыла в Царьград. Впоследствии она была недовольна долгим стоянием вне города⁷.

¹ Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко. Т. I.

² Синодальная Новгородская летопись, стр. 122.

³ «Се же уздавши половеци, оже князи не в любви живуть, шедше в пороги наша чаша пакостити гречником; и посла Ростислав Володислава Ляха с вои, и възведоша гречники» (Летопись по Ипатьевскому списку; стр. 360).

⁴ Там же, стр. 370.

⁵ «В этой грамоте обращает на себя внимание слово «рузария». Оно употребляется в качестве термина, напоминая гречников русской летописи» («ЖМНП»), июль 1888 года. «Древняя торговля Киева с Регенсбургом».

⁶ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. I, стр. 88. Т. VIII, стр. 3.

⁷ Paroître. Les Saint-Mamas de Constantinople («Известия Русского археологического института в Константинополе». Т. III. Вып. 1—2, стр. 261—316. София. 1904).

Отсутствие упоминаний о церкви св. Мамы у русских паломников в Константинополь Паргуар объясняет тем, что они останавливались в самом городе. Это замечание представляется вполне обоснованным, но с тем небольшим дополнением, что самая резиденция русских в Константинополе XI—XIII вв. переместилась из неукрепленных окрестностей внутрь города. Когда произошла эта перемена, точно неизвестно, но что она произошла, в этом нет никаких сомнений. Вероятно, утверждение русской колонии за городскими стенами было связано с крещением Руси и договором Владимира с византийскими императорами, когда русские из враждебного народа сделались союзниками Византии.

О местоположении русского квартала в Константинополе можно судить по рассказу новгородского архиепископа Антония, видевшего этот город около 1200 г., до взятия его крестоносцами. В списке Антониева хождения, изданном Савваитовым, читаем: «А отголе на уболе святого Георгия .святый Леонтей поп русин лежит в теле, велик человек; той бо Леонтий 3-жды во Иеросалим пещь ходил; странь же того церковь есть святого Платона, и ту мощи его, и святой Иоан Милостивый, ту же дом святого исповедника Павла и ту под трапезою мощи его, и омьфор его и петрахиль его целуют; конец же русаго убола церковь 40 мученик»¹. В другом списке после слов о церкви св. Платона добавлено: «Церковь есть святого Платона, и ту мощи его, и святой Иоанн Милостивый и Борис ту в теле лежит».

Слово «убол» является испорченным греческим *embolos*. Антоний не случайно оставил это слово без перевода, так как «убол» обозначал не просто русскую улицу, а особый тип городской улицы в Константинополе. Исследователь левантской торговли следующим образом характеризует византийские кварталы: «В Константинополе византийского времени многие улицы, особенно в наиболее оживлённых частях города, были снабжены аркадами, так что по обеим их сторонам прохожие имели кров для защиты от дождя и солнечных лучей. Непосредственно к аркадам примыкали дома. Такие улицы с аркадами назывались *embolos*. Так как они особенно годились для торговых помещений, то императоры имели обыкновение отдавать подобный *embolos* или даже пару их одному торгующему народу, так что лавки и дома купцов частью примыкали к ним непосредственно, частью вокруг них группировались. Весь квартал получал от этого также имя *embolos* (лат. *embolum*), если он обладал большим комплексом домов»².

Таким образом, название «русский обол» у Антония обозначает не просто русскую колонию, жившую на определённой улице, но целый квартал, населённый русскими купцами. Русский квартал был расположен в районе церкви Георгия, почитание которого было распространено на Руси. Упоминание о двух местночтимых святых — Леонтии и Борисе — показывает, что русские осели в Константинополе прочно и стали обзаводиться своими святынями. О Леонтии известно, что он был русским. Борис — имя русское и болгарское. Возможно, что Борис, лежавший «в теле», т. е. мощи которого сохранялись, был болгарин: среди болгар имя Борис было распространённым. Антоний, во всяком случае, знал, о каком Борисе идёт речь, и оставил текст без пояснений.

Никаких подробностей о жизни «русского обода» в Константинополе нет, но характер этого «обода» остаётся вне сомнений, и вместе с тем более вероятным становится существование в Киеве корпорации русских купцов-гречников, торговавших с Византией.

¹ Савваитов П. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. стр. 43—44. СПб. 1872; поправка по списку А. И. Яцимирского («Известия отделения русского языка и словесности Императорской академии наук». Т. IV. Кн. 1-я).

² Heyd W. Geschichte des Levantehandels im Mittelalter. Bd. I, S. 274. Stuttgart. 1879.

Существование купеческих организаций в других городах Киевской Руси проследить ещё труднее. Намёком на какое-то купеческое объединение в Полоцке можно считать известие о братчине («братыщина»), собиравшейся у старой церкви Богородицы в Полоцке на Петров день¹. Впрочем, отсутствие указаний на купеческие объединения в других городах резко ничего не значит, поскольку даже Новгородская летопись не даёт материала об Иванском сте, устав которого, однако, нам известен. Скучность летописных известий о городской жизни в XII — XIII вв. общеизвестна. Во всяком случае, наличие Иванского ста является бесспорным доказательством существования в Киевской Руси купеческих объединений, которым соответствуют немецкие гильдии.

Купеческие объединения, несомненно, существовали и в городах Суздальской Руси XIV — XV веков. Самым известным из них было объединение гостей-сурожан в Москве. Интересную монографию о них написал покойный В. Е. Сыроечковский², что избавляет нас от необходимости приводить лишние подробности. Эта купеческая организация была настолько мощной, что с ней весьма считались московские великие князья. Десять «мужей нарочитых, московских гостей сурожан» взял с собой Дмитрий Донской, отправляясь на Куликово поле: «аще что бог ему случит, и они имуть поведати в далних землях»³. Сурожане торговали с итальянскими колониями в Крыму и с Константинополем, являясь посредниками между русским Севером и Средиземноморьем. Русские колонии находились в Каффе и Суроже (Суда), где имела русская церковь. Что такие колонии были прочными объединениями, видно опять-таки из примера русских поселений в Константинополе. «Русь живущая тамо», например, торжественно встречала митрополита Пимена в 1389 году. Центром русской колонии была церковь Ивана Предтечи (Продром), где путешественников радостно встретили и угостили: «И упокоиша нас добре тамо живущая Русь»⁴.

Существовали ли какие-либо уставы объединений сурожан или суконников, неизвестно, но зато известно, что в некоторых случаях купцы сурожан или суконники выступали в качестве коллектива, ссужавшего деньгами великих князей. Так, Юрий Дмитриевич Галицкий занял «у гостей и у суконников шестьсот рублей», чтобы заплатить долги, сделанные в Орде при хлопотах о получении ярлыка на великое княжение⁵. Действительная ценность названной суммы станет понятной, если принять во внимание, что в конце XIV в. дань с Коломны и волостей крупнейшего московского удела оценивалась в 342 рубля, а с Звенигорода с волостями — в 272 рубля⁶.

Объединения сурожан и суконников в Москве, вероятно, группировались вокруг патрональных церквей. О церкви московских «гостей», как обычно называли сурожан в XIV — XV вв., читаем под 1479 годом: «Заложил церковь Иоанна Златоустого великий князь Иван Васильевич камени, а преже бывшую деревяную разобрал; бе же та изначала церковь гостей московских строение, да уже и оскудевати начят монастырь той». В другом известии эта церковь названа «бывшей гостиной древягой», что, может быть, указывает на существование другой, каменной, «гостинной» церкви⁷. Существование купеческих объединений не только в Новгороде, но и в Москве — факт, совершенно доказанный.

Обратимся теперь к вопросу о ремесленных организациях. Конечно, ставить вопрос о существовании на Руси XI — XV вв. развитых цехов, с

¹ Летопись по Ипатьевскому списку, стр. 340.

² Сыроечковский В. Гости-сурожане. Огиз. 1935.

³ Шамбинаго С. Повести о Мамаевом побоище. Приложение, стр. 51. СПб. 1906.

⁴ ПСРЛ. Т. XI, стр. 99.

⁵ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, стр. 102.

⁶ Там же, стр. 60.

⁷ ПСРЛ. Т. XVIII, стр. 201; т. XXII, стр. 193.

уставами и законченной системой взаимоотношений между мастерами, подмастерьями и учениками, едва ли возможно, но о зачатках ремесленных объединений в русских городах можно говорить с большим основанием. При этом нас не должно смущать отсутствие прямых указаний в источниках на подобные объединения. Сведения, полученные нами из летописей и других памятников, отрывочны и неполны; только счастливый случай сохранил нам устав купеческого объединения церкви Ивана Предтечи на Опоках. Многие представители науки стали бы решительно отрицать существование в Новгороде какого-либо купеческого объединения в XII в., если бы не оказалось этого устава. Конечно, купеческие организации зародились раньше ремесленных и имели более мощное развитие, но возникновение тех и других не зависело от случайных причин, а коренилось в самой структуре феодального общества.

Маркс и Энгельс указывают ряд общих причин возникновения средневековых ремесленных организаций, связанных с феодальной структурой всей страны. Они отмечают, что «феодальной структуре земельной собственности соответствовала в городах корпоративная собственность, феодальная организация ремесла... В городах, которые не перешли в средневековье в готовом виде из прошлой истории, а образовались заново освободившимися крепостными, единственной собственностью каждого индивида — за исключением приносимого им с собой небольшого капитала, который весь почти заключался в самых необходимых инструментах, — была его особая специальность. Конкуренция постоянно прибывавших в город беглых крепостных, непрерывная война деревни с городом и связанная с ней необходимость организации городской военной силы, узы общей собственности на некоторую определённую специальность, необходимость общих зданий для продажи своих товаров (тогда ремесленники были в то же время и купцами) и связанное с этим недопущение в эти здания посторонних, противоположность интересов отдельных ремёсел между собой, необходимость охраны с трудом изученного ремесла и феодальная организация всей страны — таковы были причины объединения рабочих каждого отдельного ремесла в цехи»¹. Как видим, феодальная организация ремесла в городе вытекает из природы феодализма.

Нет никакого сомнения, что Киевская Русь была уже знакома с концентрацией ремесленников в определённых городских кварталах, получающих соответственные названия: «урочища», «гончары», «кожемяки» и «кузнецы» — встречаем в ряде древнерусских городов. Гончарский конец составлял значительную часть Новгорода и получил своё название, несомненно, от постоянно населявших его гончаров. Подобное же урочище существовало в Киеве и было расположено под горой в районе Подола. Во Владимире известно старинное урочище «ременники», находившееся за пределами городского вала при подошве так называемой Студёной горы. Большая часть торговой стороны в Новгороде называлась «в Плотниках», откуда позже получилось название Плотницкого конца. В Новгороде точно так же известны были щитники как ремесленники и Щитная улица, в Пскове — Кузнечная улица, где действительно в XV в. жили кузнецы, и пр.

Что мастера одной специальности жили и работали в определённых местах, видно из рассказа Киево-Печорского патерика. Каменная доска для престола в соборной церкви Печорского монастыря была прислана неизвестным жертвователем, которого монахи искали, чтобы узнать, «идеже делаются таковые вещи»². Концентрация ремесленников в одном или нескольких соседних кварталах была предпосылкой к созданию ремесленных объединений.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 14, 41.

² Печорский патерик. Изд. Археографической комиссии, стр. 10. СПб. 1911.

Приведём более прямые доказательства наличия зачатков ремесленных объединений в Киевской Руси. Начнём с вопроса о существовании организаций среди ремесленников, занятых в строительном деле, так как постройка деревянных и каменных зданий везде требовала строительных объединений (по-древнерусски — «дружин»).

Имеются известия о существовании подобных объединений в Новгороде, под Киевом. Здесь жили «древодели», которые уже при Ярославе Мудром и его сыне Изяславе объединялись в дружину во главе со «старейшиной», т. е. старостой. Ярослав Мудрый «повеле древоделям приготовить древо на согражение церкви, бе бо уже время зимоу. Они же повеленое им от христороубца приговаша древо. И наставши легу возградивше церковь во имя святоу блаженую стратотерпцы Бориса и Глеба, о клетце, в ней же стояста раци святоу. Христороубивый же князь украси церковь 5 верх и всякими красотами, иконами и иными писмены»¹.

В том же Вышгороде существовало объединение городников («огородников»), «бяше человек Вышегороде старей огородником, зовемь бяше Жьдан по мирскому, а в крещении Никола»². В сказании о Борисе и Глебе по древнейшему, Сильвестровскому сборнику XIV в. находим следующие строки: «Бяше же мужь именем Миронег, иже бе градник Вышегороде». В других, более поздних списках вместо слова «градник» читаем «огородник». Нас не должно смущать слово «огородник», так как оно обозначало не только огородника в современном смысле этого слова. Слово «огородня» соответствовало «городни», т. е. части городской деревянной стены, от слова «городить» — окружить забором или стеною. В свою очередь слово «градник» совершенно соответствует русскому полногласному «городник». Особое положение вышгородских городников и древоделей этого княжеского городка объясняет нам, почему в сказании Нестора тот же Миронег назван старейшиной («иже бе властелин граду тому») ³.

Дружины, или артели, плотников и городников, как мы видим, представляли объединения во главе со старостами. Было бы недопустимой модернизацией, если бы мы думали, что объединения ремесленников в XII—XIII вв. напоминали по своему строению позднейшие артели капиталистического времени. Дружины имели крупное общественно-политическое значение. На прочность объединения вышгородских городников и на политическое его значение указывает то обстоятельство, что упомянутый староста Ждан-Микула, повидимому, был участником съезда Ярославичей в Вышгороде в 1072 г., когда вырабатывалась Правда Ярославичей. Местонахождение плотников и городников в княжеской резиденции (Вышгороде) представляется также явлением не случайным. Объединения плотников и городников работали по крупным, преимущественно княжеским, заказам. Деревянное строительство было сильно развито в XI—XIII вв. и достигло высокого мастерства. Современники с похвалой отзываются о дубовой церкви Софии Новгородской, имевшей 13 верхов; в деревянном соборе в Ростове современники говорят как о здании, подобного которому не было раньше и никогда впредь не будет. Создание подобных построек требовало больших затрат, художественного вкуса и мастерства. Поэтому на первых порах объединения строителей должны были находиться под особым княжеским покровительством.

Действительно, историки западноевропейских цехов указывают, что возникновение их было теснейшим образом связано с пожалованиями цеховых привилегий императором, князьями и другими феодальными владе-

¹ Абрамович Л. Жития святых мучеников Бориса и Глеба, стр. 17, 54—57. Пгг. 1916.

² Успенский сборник XII в., сказание о Борисе и Глебе.

³ Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II, стр. 607. СПб. 1902.

телями. Начало объединений ремесленников в Киевской Руси тесно связано с пожалованиями им привилегий. На первых порах мы встречаемся с такими же объединениями в других городах, подобных Вышгороду, где жили ремесленники, работавшие по княжеским заказам и в недавнее время ещё находившиеся в зависимости от князя.

Наряду с плотниками и городниками должны были существовать такие же объединения среди каменщиков. Недаром владимирцев в конце XII в. дразнили словом «каменьщики», как за полтора века до этого новгородцев называли «плотниками». Дружины каменщиков с самого начала должны были находиться под княжеским покровительством, ибо постройка каменных зданий, преимущественно церквей, была делом дорогостоящим и в первое время производилась почти исключительно на княжеские средства. Действительно, знаки на кирпичач церквей, построенных в Киеве, Чернигове, Остерском городце, в Смоленске (Смядынь), во Владимире на Клязьме и в Боголюбове, восходят к родовым знакам Рюриковичей, как это блестяще доказал Б. А. Рыбаков. По его словам, кирпичи для церквей «изготавливались, вероятно, княжескими холопами, метавшими их княжеским знаком».

Надо предполагать существование дружин каменщиков, строивших в таких городах, как Новгород, по заказу частных лиц, подобных Антонию, который в XII в. воздвиг в Новгороде величественный храм в своём монастыре. Ремесленники Киевской Руси проделали тот же путь, что и в Западной Европе, от зависимого человека к свободному ремесленнику.

Ремесленные объединения в городах существовали в виде сотен, изучение которых даёт нам возможность до некоторой степени ответить на вопрос о существовании особых купеческих и ремесленных организаций. Обычно в сотнях исследователи видят военно-административную единицу, возникшую уже в княжеское время. Вопросу о времени возникновения сотен и о их значении большое место отведено в исследованиях А. Е. Преснякова и Б. Д. Грекова¹, но в данном случае нам важен не вопрос о происхождении сотен, а то значение, какое они получили в больших городах примерно с XII века. Более полно можно о них судить только на основании новгородских известий.

Сотни прежде всего перечислены в так называемом уставе Ярослава о мостех. В этом памятнике первые сотни получили свои названия от личных имён сотских: Давыжа ста, Слепцова, Быкова (или Бовыкова), Олексина, Ратиборова, Кондратова, Романова, Сидорова, Гаврилова. Однако 10-я и 11-я сотни названы княжами, а остальные шесть получили прозвания от местностей: Ржевская, Бежицкая, Вотская, Обонежская, Луцкая, Поволховская или Волховская, Яжолбицкая².

Известный нам текст устава читается таким образом: «А владыче сквозе городня ворота с изгой и с другими изгой до Острой городне: Давыжбя ста... 19 Яжолвичкая, двои рили до софьян, софьяном до тысяцкого». Первоначальный же текст должен был читаться: «А владыче сквозе городня ворота со изгой и с другими изгой до Острой городне до софьян, софьяном до тысяцкого». Иными словами, владыка вместе с изгоями должен был устраивать уличные мосты до софьян, а софьяне мостили до тысяцкого, что соответствует действительности, потому что владыка жил в детинце внутри городских ворот, а софьяне, хотя и подчинённые владыке, жили за детинцем, в так называемом «околотке», тысяц-

¹ Пресняков А. Княжое право в древней Руси. 1902; Греков Б. Киевская Русь, стр. 187 и далее. 1944.

² Синодальная Новгородская летопись, стр. 487—488; другая редакция устава: Русские достопамятности. Ч. 2-я, стр. 241—243. М. 1843. Б. А. Рыбаков высказал любопытное предположение о происхождении этих сотен, но, к сожалению, не обратил внимания на то, что перечисление сотен является явно позднейшей вставкой в устав о мостех.

кий ведал мостами по другой стороне Волхова, о которой идёт речь да в уставе («тысячкому до вощник», т. е. до Иванского ста).

Замечательно, что рядом с сотнями, подведомственная территория которых совершенно не ясна по уставу, перечисляются михайловцы, и ияцы и витьковцы, т. е. уличане Михайловской, Ильинской и Витьковской улиц. В документе явно смешивается территориальный признак признаком административным.

Непонятно, какая, собственно, часть города замаскировалась перечисленными сотнями. Судя по месту вставки текста о сотнях, они должны были строить великий мост через Волхов. Возникает вопрос, почему первые девять сотен названы по личным именам, а 12—19 сотни — по географическим названиям. Это можно объяснить тем, что первые сотни были городскими, а вторые — внегородскими единицами, привлечённые позже к строительству великого моста через Волхов.

Сотские помянуты также в уставе Всеволода «о церковных судах о людях и о мерилах торговых». Самое название этого устава, упоминаемое о «людях», под которыми так часто понимается городское население, очень показательно. В уставе читаем также слова: «Съзвал есмь 10 сотских и старосту Болеслава, и бирица Мирошку, и старосту Иванско Васяту, и погадал есмь с владыкою и с своею княгыцею и с своими братьями, и с десятью сочскими и с старостами». Всеволод даёт «святую Софию и епископу и старосте Иваньскому всему Новгороду, мерила торговаа».

Из дальнейшего текста оказывается, что торговые старосты и сотские имеют разную компетенцию, «а дом святей Софии владыкам строить с сочскими, а старостам и торговцам докладываа владыки или кто будет нашего рода князей Новгорода строить дом святого Ивана». Здесь явно различаются два центра хозяйственной жизни Новгорода. Одним — дом св. Софии, который «строят» владыка с сотскими, другой — дом св. Ивана на Опоках, там действуют с доклада архиепископу старосты и торговцы. Но мерила торговые касаются не только торговцев: отношение к ним имеют и сотские; по видимому, они являются представителями ремесленников. Поэтому дальше штраф за искажение торговых мерил делится на три части: одна идёт св. Софии, т. е. епископу, вторая — св. Ивану, третья — сотским и Новгороду¹.

Вместе с тем устав обнаруживает перед нами ещё одно любопытное явление — строгий присмотр за рынком и мерами обмена, в котором принимают участие сотские как представители торгового и ремесленного населения. При таком понимании новгородских сотен мы найдём объяснение, почему в уставе о мостах первые сотни названы по имени и отделены от улиц. В данном случае сотни обозначали названия торговых рядов, где группировались ремесленники определённой специальности. Это и было первоначальным ремесленным объединением, без которого нельзя понять структуру городского рынка с его строгими и устойчивыми местами торговли для отдельных видов товаров, поставляемых ремесленниками. Видеть же в сотнях великого Новгорода территориальные организации совершенно невозможно, так как они упоминаются рядом с концами и улицами. «А от конца или от улицы и от ста и от ряду итти ятцом двема человеком, а иным по пособию не итти к суду ни к росказу»², — говорится в Новгородской Судной грамоте. В договоре Новгорода с великими князьями читаем фразу: «Кто купец, тот в сто, а кто смерд, а тот потягнет в свой погост»³. В духовной Климента городца второй половины XIII в. упоминается «купецкое сто»⁴. Следовательно, могли существовать и не

¹ Памятники истории Великого Новгорода и Пскова, стр. 43—46. Составил Г. Е. Кочин. 1935.

² Акты Археографической экспедиции. Т. I, № 92.

³ Собрание государственных грамот и договоров. Т. I, № 3.

⁴ Срезневский И. Сведения и заметки, стр. 39. СПб. 1867.

купеческие сотни. Действительно, летописец, рассказывая о новгородском восстании 1230 г., упоминает, что имущество разграбленных бояр «по стам разделиша». В данном случае сотня уже не является только купеческой организацией; нельзя настаивать и на её территориальных признаках.

Выше мы видели, что, кроме сотни, в конце XV в. в Новгороде упоминаются ряды. Словом «ряд» в XVI в. обозначали торговый ряд, отсюда мнение, что словом «рядович» в Новгороде обозначался купец. Но известно, что древние русские лавки были очень далеки от настоящих торговых предприятий. В средние века торговля обычно соединялась с ремеслом, поэтому организация рядовичей была в то же время и организацией ремесленников. Слово «рядник» обозначает в древнерусских памятниках простолюдина: «Не точию рядницы и ненарочити, но благородныи и словущей»¹.

Приведённое выше понимание новгородских сотен как объединения ремесленников позволяет по-новому поставить некоторые вопросы внутренней истории Новгорода. Известно, что ремесленники средневековой Германии принимали участие в войнах и защите городов. По словам Г. Белова, исследователя истории немецких городов в средние века, там, «где патриция удавалось утвердить своё господство, там военное ополчение делилось применительно к топографическим группам, к городским кварталам. Где одержали верх цехи, там они свои корпорации превращали в военные отряды; если цеховая организация была не вполне проведена, то оба деления уживались вместе»².

Аристократический характер правления в Великом Новгороде и в Пскове объясняет нам существование здесь военных организаций по кварталам, т. е. по концам и улицам. Это деление окончательно восторжествовало в Новгороде в XIV—XV веках.

Понятие о торговых рядах в Новгороде 1583 г. дают замечательные лавочные книги Великого Новгорода, опубликованные С. В. Бахрушиным³. Они показывают концентрацию торговли определёнными товарами в рядах с соответствующими названиями. Но спрашивается: что это за котельники, серебряники, сапожники и т. д., торгующие в Котельном, Серебряном, Сапожном и других рядах? Конечно, это не только купцы в нашем смысле слова, но и ремесленники, имеющие свои лавки на рынке, что типично для средневекового ремесла и торговли. Перед нами совершенно явные объединения, во главе которых стоят старосты, представители рядов.

Когда же возникла такая организация торговли и ремесла в Новгороде — только в XVI в. или в более раннее время? На этот вопрос отвечает известие Псковской летописи 1485 г.: «Тоя же осени псковичи поставиша новый мост через Пскову, а даша мастером 60 рублей; а платиша то серебро мясника»⁴. Здесь мясники явно выступают как определённая корпорация, обладающая общей кассой. Заметим, что в средневековых городах Западной Европы мясники обычно составляли мощную корпорацию. Сотни и ряды XIV—XV вв. и позднейшего времени заслуживают всяческого изучения. Более подробное изучение источников, несомненно, откроет новые материалы для суждения о характере и организации ремесла и торговли в древней Руси.

¹ Срезневский И. Материалы... Т. III, стр. 235.

² Белов Г. Городской строй и городская жизнь средневековой Германии, стр. 77. М. 1912.

³ См. Бахрушин С. Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. М. 1930.

⁴ ПСРЛ. Т. V, стр. 43.

3 «Вопросы истории» № 1.